

С.А. Тулаева

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕСНОГО СЕКТОРА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Статья посвящена возможностям влияния глобальных практик на процесс трансформации корпоративной социальной ответственности на российских предприятиях на примере внедрения лесной сертификации. Анализируется роль лесного сертификата в формировании нового типа социальной и экологической политики на российских лесозаготовительных предприятиях, а также в стимулировании развития гражданских инициатив у местного сообщества. При этом внимание уделяется местному социально-экономическому контексту, характеризующемуся сохранением отдельных советских практик. Исследование выявляет особенности и перспективы трансляции рыночных практик нерыночными методами, их развитие на российской почве, сохранившей советские корни, а также показывает влияние глобальных процессов на отдаленные лесные поселки, неожиданно для себя превратившиеся в арену действия транснациональных акторов.

В настоящее время тема корпоративной социальной ответственности (КСО) интенсивно обсуждается в мировом бизнес-сообществе, на международных, межправительственных встречах. Это объясняется тем, что усилившиеся процессы глобализации, дальнейшее развитие мировой торговли и рыночных отношений влекут за собой опасность более интенсивной и бесконтрольной эксплуатации природных и человеческих ресурсов в развивающихся странах. Поэтому одной из задач в конце XX в. для международных организаций и бизнес-кругов явилась разработка глобальных правил в сфере трудовых отношений, защиты прав человека и окружающей среды.

* Работа выполнена при поддержке Московского общественного научного фонда по проекту «Роль гражданского общества в стимулировании корпоративной социальной ответственности в российском лесном секторе» (Грант № 12/1 – 06). Автор также благодарит Пера Ангерльстама за консультации, полученные в ходе исследования.

Существует множество КСО, но все они подразумевают добросовестное ведение бизнеса с учетом экономических, социальных и экологических интересов общества. Популярность темы объясняет и достаточно большое количество подходов к ее рассмотрению. Так, В.Н. Якимец в своей монографии «Межсекторное социальное партнерство» объясняет КСО как результат взаимодействия трех социальных подпространств (государство, бизнес, общество), но не рассматривает роль глобальных влияний в данном вопросе (Якимец 2004: 73). Р. Абрамов, изучая КСО с точки зрения теории организационного изоморфизма, как раз акцентирует внимание на распространении схожих практик ведения бизнеса благодаря усилившимся процессам глобализации, но не касается их воплощения в конкретной локальности (Абрамов 2005: 330). Мы принимаем во внимание оба подхода, но при этом уделяем особое внимание столкновению двух контекстов, глобального и местного, и вытекающих отсюда особенностей трансформации КСО. Фокусом данного исследования является лесная сфера, поскольку именно она наиболее четко отражает идущие по всему миру процессы стандартизации и в то же время служит ареной для тесного переплетения интересов бизнеса и местного населения.

Наша работа, проведенная с точки зрения качественной феноменологии, с одной стороны, позволит показать влияние на развитие КСО глобальных практик и внутренних социальных трансформаций, с другой стороны, даст возможность рассмотреть способы негосударственного рыночного влияния на российский лесной бизнес.

Основным механизмом негосударственного воздействия выступает сертификация лесопользования, а ее проводниками служат структуры гражданского общества (Кашор и др. 2006: 279). Существующие работы, посвященные внедрению сертификации на российской почве, показывают возможности ее влияния на развитие КСО, но рассматривают при этом в основном количественные показатели происходящих изменений (Птичников, Парк 2005: 19–22; Страхов и др. 2001: 76–113). Предлагаемое исследование рассмотрит феномен сертификации с точки зрения его взаимосвязи с качественными трансформациями, происходящими в российском обществе.

Лесная сертификация явилась результатом международной работы по стандартизации правил, регулирующих потребление лесных ресурсов. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро была проведена межправительственная конференция по устойчивому развитию. В процессе ее работы не было создано единого механизма, позволяющего контролировать использование лесных ресурсов, но были приняты десять основных принципов устойчивого лесопользования. Транснациональные неправительственные организации (НПО) использовали эти принципы в разработке системы негосударственного управления лесными ресурсами. Она предполагает экономически выгодное использование леса с наименьшим ущербом для природы и местных жителей.

В 1993 г. был создан Лесной попечительский совет (Forest Stewardship Council), основной целью которого стала практическая реализация разработанной системы. НПО привлекло к сотрудничеству не только экологические

и социальные организации, но и представителей бизнеса, а само выступило координирующим органом. Итогом стало создание FSC-сертификации — первой глобальной системы сертификации, связанной с коммерческим потреблением природных ресурсов. Она является наиболее строгой формой сертификации лесопромышленности, хотя в дальнейшем были созданы и другие аналоги (PEFS-, SFI-, CSA-сертификации)*. Если работа компании в лесу соответствует сертификационным стандартам, она имеет возможность пройти аудит и получить сертификаты на лесной менеджмент и на цепочку поставок. Наиболее сложен к выполнению первый сертификат, зачастую требующий от компании значительных изменений в лесопромышленности.

Транснациональные НПО пытаются транслировать FSC-сертификацию по всему миру, в том числе и в Россию, как глобальный регулятор лесных отношений. В настоящее время Россия испытывает сертификационный бум. Не имея еще несколько лет назад ни одного лесного сертификата, в 2006 г. Россия вышла на второе место по площади сертифицированных территорий, уступая в этом вопросе только Швеции. Общая площадь сертифицированных земель в России на декабрь 2006 г. составила 12,8 млн га (www.fsc.ru). Но при этом такое быстрое продвижение глобальной практики на российской почве сопровождается одновременно переходом российской экономики к развитым рыночным отношениям.

Мы предполагаем, что сертификационные требования относительно соблюдения международных экологических нормативов, безопасных условий труда для рабочих, учета интересов местного населения и др. могут послужить канвой для разработки социальной политики на предприятиях в новых, рыночных отношениях. Если советская структура социальной ответственности предполагала господство патерналистских отношений и опеку практически всех сфер жизни рабочих со стороны государства и предприятия, то модель, предлагаемая сертификацией, основана на балансе интересов между различными группами землепользователей: государством, бизнесом, населением. При этом внедрение сертификационных стандартов на российской почве будет несколько отличаться от аналогичных практик на западе в силу того, что в России еще не окончательно оформились рыночные отношения. Столкновение двух разных контекстов, советского и капиталистического, порождает ряд особенностей, несвойственных для развитых индустриальных стран. Во-первых, в России переход к рыночным отношениям характеризуется сохранением значительных элементов неформальной экономики, основанной на бартерных сделках и личных договоренностях (Gaddy, Ickes 1998: 53–67; Титаев 2005: 9–17). Во-вторых, бесконечное и пока безрезультатное реформирование лесного законодательства и отсутствие четкого управления лесными ресурсами со стороны государства осложняет дальнейшее развитие лесопромышленного комплекса (Титаев 2005: 76). В-третьих, в России, пережившей в XX в. тоталитарный режим, еще только начинает

* PEFC (Program for Endorsement of Forest Certification) — система подтверждения сертификации лесов; SFI (Sustainable Forestry Initiative) — система экологически рационального лесоводства, США; CSA (Canadian Standards Association) — канадская ассоциация по вопросам стандартизации.

формироваться гражданское общество, которое могло бы взаимодействовать с бизнесом.

Задачами нашего исследования является выявление: 1) возможностей трансформации КСО в лесном секторе под влиянием глобальных практик; 2) роли российского гражданского общества в стимулировании КСО. В первой части работы мы рассмотрим влияние сохранившихся элементов советской системы на социальную политику предприятий. Это важно сделать, так как советские представления о всеобъемлющей роли предприятия в жизни населения продолжают служить основанием для неформальных требований местных органов власти к бизнесу о социальной помощи району. Наличие таких неформальных рычагов давления и бартерных сделок тормозит развитие рыночных отношений. Вторая часть работы посвящена процессу внедрения новой модели отношений между бизнесом, населением и государством в осложненный российский контекст. Отсутствие в российских лесных поселках развитых институтов низовой демократии является при этом серьезным препятствием. Нам предстоит выяснить, насколько эффективно сможет работать в условиях российского трансформирующегося общества предлагаемая лесной сертификацией схема построения лесных отношений на примере Прилузского лесхоза Республики Коми.

Исследование выполнено качественными методами на основе двух экспедиций в Коми, проведенных в 2005, 2006 гг. Общее количество взятых интервью — 46.

Прилузский лесхоз не случайно стал объектом нашего исследования. На его территории швейцарское агентство финансировало проект «Модельный лес Прилузье»*. Разработкой модели устойчивого лесопользования занималась региональная рабочая группа, в которую входили представители разных групп интересов (государства, бизнеса, населения). Активное участие принимал некоммерческий фонд «Серебряная тайга», первоначально представлявший региональный офис WWF и транслировавший донорскую помощь. В рамках данного проекта лесхоз провел сертификацию своих территорий.

Положение на изучаемой территории являлось типичным для большей части Республики Коми, когда в процессе перехода к рыночным отношениям произошло крушение как лесной, так и сельскохозяйственной отрасли. В настоящее время в Прилузском лесхозе, с одной стороны, еще действуют неформальные практики и договоренности, сохранившиеся с советского времени или появившиеся в эпоху перестройки, с другой стороны, начинают работать рыночные и глобальные механизмы.

Данный лесхоз представляет собой особый случай лесной сертификации. Обычно инициаторами проведения сертификации выступает сам бизнес, заинтересованный в том, чтобы стабилизировать свое положение на рынке и обезопасить себя от потребительских бойкотов. На изучаемой территории работали в основном небольшие лесопромышленные компании, не имевшие значительных объемов продаж за рубеж. В то же время российский рынок еще не является экологически чувствительным и не дает преимуществ при

* Модельный лес – участок леса, где внедряются передовые практики лесопользования.

продаже сертифицированной продукции. Поэтому сам бизнес первоначально занял осадное положение по отношению к проведению сертификации, не видя для себя в этом особой выгоды.

На момент проведения исследования (2006 г.) в Прилузском лесхозе насчитывалось 15 предприятий-арендаторов. Из 15 предприятий 8 имели сертификат цепочки и 1 готовилось к прохождению аудита по сертификации. Практически все лесозаготовители имеют свои пилорамы, на которых осуществляют первичную переработку пиловочника, и затем продают. Баланс лесозаготовители сдают на «Монди бизнес пэйпа»*. Поскольку это предприятие единственное в республике занимается переработкой баланса, его возможности переработки ниже по сравнению с возможностями заготовки. Это создает серьезную проблему с реализацией баланса. Предприниматели, не имеющие возможности продавать баланс на «Монди бизнес пэйпа Сыктывкарский ЛПК», вынуждены продавать его посредникам, сдавать на дрова или везти в соседний регион (Архангельск) на Котласский ЦБК, принадлежащий крупной российской корпорации «Илим Палп», что экономически менее выгодно. Данное обстоятельство создает необычный контекст: с одной стороны, пиловочник распространяется предпринимателями

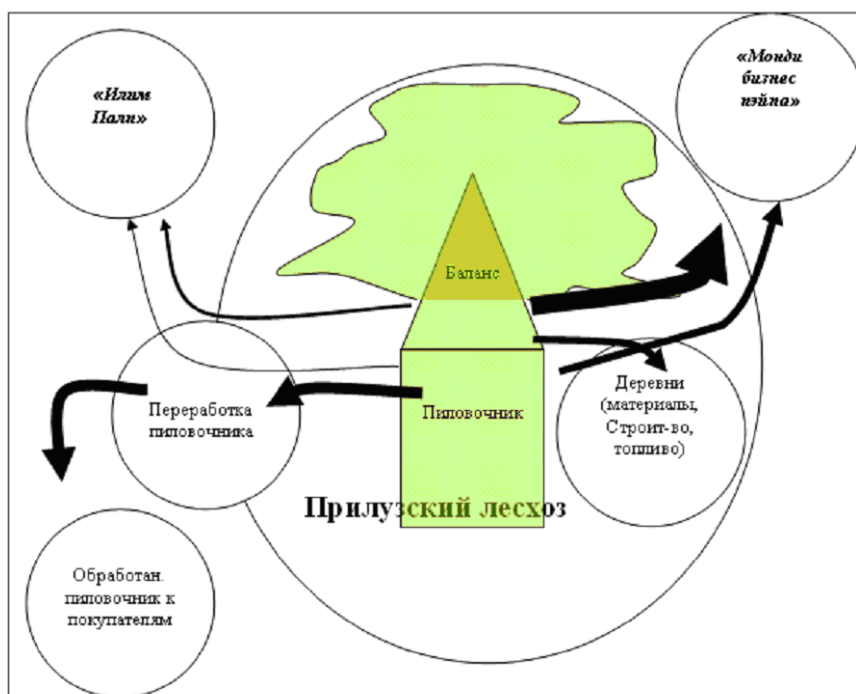

Рис. 1. Схема распространения заготовленного компаниями леса.

* Баланс – сортимент для целлюлозно-бумажной промышленности.

по рыночным каналам, с другой стороны, для того чтобы сдать баланс, лесозаготовители вынуждены прибегать к личным договоренностям, иногда воздействуя на целлюлозно-бумажный комбинат через местную администрацию. Другими словами, возникающие трудности предпринимателями зачастую решаются не в ходе рыночного соревнования, а путем неформальных договоренностей (рис. 1).

Такое «бизнессразнообразие» дает возможность рассмотреть различные варианты влияния сертификации на лесопромышленные компании, которые по-разному адаптировались к рыночным условиям, а также изучить возможности влияния гражданского общества через процесс сертификации на формирование нового типа социальной ответственности у компаний.

Влияние сохранившихся особенностей советской экономики на корпоративную социальную ответственность компаний

Социальная политика предприятий в советское время и в эпоху перестройки. В советское время шло усиленное освоение лесных ресурсов, строились новые предприятия, вокруг них вырастали лесные поселки. Советские издания с воодушевлением писали о жизни в лесных поселках: «Из года в год улучшаются культурно-бытовые условия рабочих и служащих лесопунктов. Сейчас они, как правило, живут в отдельных благоустроенных квартирах, в поселках имеются кружки художественной самодеятельности, библиотеки, почти ежедневно демонстрируются кинофильмы, в магазинах ведется торговля товарами первой необходимости...»*. Большинство лесозаготовительных предприятий являлись градо- и поселкообразующими и несли на себе расходы по поддержанию инфраструктуры поселка: содержали дороги, котельные, школы, детские сады, дома культуры, санатории и т. д. Такая структура социальной ответственности была возможна при существовавшей тогда плановой экономике и государственных субсидиях.

С падением советской системы положение многих лесозаготовительных предприятий значительно ухудшилось и они оказались не в состоянии сами содержать социальные, не приносящие прибыли объекты. В некоторых случаях предприятиям удавалось «мирным» путем провести передачу социального объекта местной администрации или другим учреждениям. В противном случае социальный сектор становился «удушающей петлей» для компании. Формально, после проведения приватизации, государство должно было компенсировать компании средства, затрачиваемые на содержание социальной сферы. Но фактически компенсация была во много раз меньше реальных затрат. Это повлекло за собой с 1990-х гг. череду банкротств лесозаготовительных предприятий. Через серию банкротств прошли «ООО Прилузлес», «ООО Ношульский ЛЗК», «ООО Северная лесопромышленная компания», «ООО Велдория». На момент проведения исследования (2006 г.) под угрозой банкротства находилась компания «ООО Верхняя Лопья». Одной из причин директор называет необходимость содержать для поселка котельную.

* Знамя труда. 1972. 16 сент. С. 3.

Лесопромышленные компании используют процедуру банкротства, чтобы освободиться от платежей за социальные объекты, прикрепленные к ним еще в советское время. Параллельно старому предприятию образовывается новое, куда переводят всю хорошую технику, оборудование, после чего старое предприятие закрывается. Новая компания продолжает работать с тем же директором, теми же рабочими, на том же месте, но с новыми учредительными документами и без груза долгов перед налоговыми службами и кредиторами (директор лесозаготовительной компании).

В то же время поселки, на много километров окруженные лесом, не могут выживать в одиночку или при минимальной поддержке администрации. Ностальгические воспоминания о благоустроенной жизни в советское время постоянно всплывают в современных дискурсах: *«Раньше на балансе объединения “Прилузлес” часть леспромхоза была, вся инфраструктура, поселки, котельные, это была статья расхода в экономике предприятия. Капитальный ремонт был. Каждое лето по 4–5 домов разбирались и собирались. Каждое лето 3 бригады работали на строительстве домов и капитальном ремонте. Это все лесопункт оплачивал. Рабочие не знали, что такое отремонтировать крыльцо или тротуары, бригада пришла и отремонтировала. Дом построили и вселили»* (рабочий лесозаготовительного предприятия, местный житель). Покореженная перестроечной трансформацией советская социальная структура на изучаемой территории теперь функционирует в основном на уровне негласных договоренностей между компаниями и администрацией. Мы попытаемся выяснить, насколько лесная сертификация, предполагающая ответственность предприятия перед своими рабочими и местным сообществом, может способствовать заполнению образовавшегося в 1990-е гг. вакуума в сфере социальной поддержки населения и смягчить произошедшие изменения.

Влияние неформальных договоренностей на деятельность компаний. В настоящее время социальная политика большинства изучаемых нами предприятий носит не столько добровольный и последовательный характер, сколько вынужденный и случайный, и служит платой за толерантное отношение к себе местных органов власти. Многообразие возможных легальных и полулегальных выходов компании из кризисной ситуации стало одной из причин возросшей роли неформальных договоренностей между компаниями и администрацией. Подобные практики неформальных взаимоотношений существовали и в советское время, когда в условиях плановой экономики многое делалось по взаимозачету.

В сложный перестроечный период они еще более усилились и стали использоваться компаниями как бизнес-стратегия для выживания в новых рыночных условиях, а также для дальнейшего продвижения на рынке. Как отмечают менеджеры уже новой волны, для того чтобы компания могла нормально работать и преодолевать многочисленные бюрократические препоны, в ней должна быть как можно больше заинтересована администрация района. Простых налоговых отчислений для этого бывает недостаточно. С

трудом пережившие эпоху перестройки лесные поселки нуждаются в восстановлении их инфраструктуры, обеспечении населения рабочими местами, поступлении новых инвестиций. Сама администрация не в состоянии справиться со всеми проблемами. Часть вопросов решается за счет договоренностей с бизнесом. Нерыночные механизмы идут в ход, когда, к примеру, требуется получить хорошую делянку в аренду. По словам одного из респондентов, перед конкурсом, чтобы обеспечить себе «поддержку на этом участке», был заключен с администрацией договор о социальном партнерстве. *«Мы же администрации кроме лесных податей еще на развитие даем... 450 тыс. руб. в год... А как они используют, это уже не мои дороги»* (директор лесозаготовительного предприятия). Представители администрации и лесхоза, входящие в конкурсную комиссию по аренде земель, имеют специальный «чек-лист», в который заносится информация о том, сколько предприятие готово выделять на местную инфраструктуру, сколько там местных рабочих и т. д. Неудивительно, что предпочтение могут отдать компании, которая не просто платит налоги, но и активно участвует в жизни поселка.

С другой стороны, администрация поддерживает убыточные, но важные поселкообразующие предприятия, поскольку их ликвидация может повлечь разрушение инфраструктуры всего поселка и оставить без средств к существованию жителей. В подобной ситуации на 2006 г. находилось предприятие «ООО Верхняя Лопья» и одноименный поселок. По словам представителя региональной администрации, будет делаться все возможное, чтобы помочь компании погасить все долги. *«Если он уйдет оттуда, с населением будут проблемы большие. То есть поселок, получится, пойдет на вымирание. Пока там работает предприятие, поселок жив»* (представитель региональной администрации). В данной ситуации также используются неформальные договоренности между администрацией и бизнесом, чтобы помочь предприятию выжить. *«Например, в пятницу у него произошло отключение электроэнергии, был долг перед энергетиками, они у него отключили пилораму, контору, попытались отключить гаражи. Одним звонком мы остановили все. В пятницу все было включено, все работало... Заплатили, но не мы. Долгов у него нет, электроэнергию включили»* (представитель региональной администрации).

Слабым, но важным для поселков предприятиям администрация помогает сбывать баланс — основная проблема для всех компаний данного региона — путем давления на единственный в республике целлюлозно-бумажный комбинат «Монди бизнес пэйпа СЛПК». По словам одного из представителей этой компании, им иногда приходится нарушать свои принципы отбора поставщиков и идти навстречу региональной администрации, чтобы поддержать подобные предприятия. Большая значимость нелегальных механизмов взаимодействия тормозит развитие рыночных отношений и консервирует отдельные советские практики.

Влияние рыночных отношений и сертификации на процесс трансформации КСО

Модернизация производства. С развитием рыночных отношений предприятия лесной отрасли вынуждены были изменить свою экономическую тактику. Если раньше их главной задачей было выполнение поставленного руководством страны плана, а все остальные вопросы решало государство, то теперь положение компании целиком стало зависеть от эффективности работы лесозаготовительных бригад, наличия переработочных мощностей и успешности реализации заготовленного леса. Это простимулировало проведение модернизации производства.

Для увеличения эффективности производства заготавливаемого леса крупные компании («ООО Лузалес») переходят на современную технику, организуют вахтовые поселки. В поселке рабочие живут и работают посменно (смена — 15–20 дней). Финские комплексы функционируют круглосуточно и позволяют выполнять большие объемы лесозаготовок. Но с точки зрения социально ответственной позиции компании вахтовые поселки имеют двоякое значение. Строительство благоустроенных вахтовых поселков с отдельными домиками для рабочих, столовой, баней делает их быт в лесу более комфортным. Скандинавская техника эффективней и удобней в работе: *«На улице 30 градусов мороза, а он сидит в тапочках, в тонком свитере, без головного убора. Есть разница? Или в нашем трелевочном тракторе, который не знаешь, как завести... там воды накалили, там все пролили, с паяльными лампами бегают вокруг него»* (директор лесозаготовительного предприятия). Но вместе с тем высоко технологичные машины требуют меньше рабочих рук, а организация вахт позволяет предпринимателям избегать необходимости набирать рабочих из близлежащих поселков. Нехватка рабочих мест представляет для лесных поселков серьезную проблему, а появление технически хорошо оснащенных вахт ее еще более усугубляет.

Сертификация предприятий и ее влияние на КСО. Как говорилось в начале статьи, Прилузье представляет собой нетипичный случай проведения лесной сертификации. Основная роль в проведении сертификации принадлежала не местным предприятиям, желающим выйти на чувствительные рынки, а глобальным акторам: швейцарскому агентству развития, выделившему средства на реализацию проекта; фонду «Серебряная тайга», выступавшему проектом вместе с другими стейкхолдерами. Впоследствии еще одним глобальным актором, поддержавшим продвижение лесной сертификации в Коми, стала транснациональная корпорация «Монди бизнес пэйпа», купившая контрольный пакет акций Сыктывкарского ЛПК. Став филиалом западной корпорации, предприятие обязано было перенять и корпоративный этический кодекс компании, провозглашавший внедрение методов устойчивого лесопользования и лесной сертификации. Поскольку это единственный в Республике Коми комбинат, который перерабатывает балансовую древесину, то он имеет возможность диктовать свои условия остальным компаниям.

Одним из основных критериев, который предъявило предприятие к своим поставщикам, стала сертификация цепочки поставок. «Монди бизнес пэйпа. Сыктывкарский ЛПК» объявил, что с 2009 г. вообще перестанет покупать несертифицированную продукцию. Основным двигателем работ по сертификации лесного менеджмента выступил фонд «Серебряная тайга», первоначально представлявший отделение WWF.

Большинство компаний, работающих в Прилузском лесхозе, имеют небольшие размеры и с трудом выживают в новых рыночных условиях. Сертификацию лесного менеджмента они восприняли как дополнительное бремя, требующее от них изменений в организации производственного процесса и финансовых затрат. Более позитивно к сертификации отнеслись крупные компании («ООО Ношульский ЛЗК» и «ООО Лузалес»). Имея большие объемы производства, «ООО Лузалес» предполагает интерес к сертифицированной продукции у своих западных партнеров и считает расходы по сертификации «платой за имидж». «ООО Ношульский ЛЗК», являясь дочерним предприятием «Монди бизнес пэйпа», должен соответствовать внутреннему корпоративному кодексу. Многие компании, работающие в Прилузье, вынуждены были сертифицировать свою цепочку поставок, чтобы иметь более-менее стабильный сбыт баланса на ЛПК.

Важно отметить, что наиболее сложный в организационном и в финансовом плане сертификат на лесной менеджмент был получен лесхозом при помощи фонда «Серебряная тайга». В результате образовалась благоприятная среда для сертификации цепочки поставок, основным требованием сертификата на которую является прозрачность последних. Сложилась ситуация, когда даже слабые, убыточные предприятия смогли получить сертификат на цепочку последних. К примеру, сертификационный аудит успешно прошло предприятие «ООО Верхняя Лопья», имеющее долг около миллиона рублей, или предприятие «ООО Прилузлес», недавно прошедшее третью ступень банкротства.

Сертификация, требующая соблюдения целого комплекса правил, может являться новой основой для формирования КСО на лесопромышленных предприятиях. Все предприниматели отмечают положительное влияние сертификации на организацию лесозаготовок с точки зрения экологических нормативов и социальных гарантий для рабочих (соблюдение техники безопасности, обеспечение спецодеждой, своевременная выплата заработной платы). По словам директоров разных компаний: *«Хотя бы для вида стали с собой опилки возить. Это уже есть. Аптечки многие стали держать в тракторах. С людей технику безопасности стали больше спрашивать»; «Культура производства поменялась. Разлива масла сейчас уже не допускаем. Запчасти не выкидываем».*

Как правило, сертификат обеспечивает стабильное положение компании на мировых рынках и оберегает ее от потребительских бойкотов, проведение которых может сильно повредить имиджу компании, и как следствие, нанести серьезный экономический ущерб (Тысячнюк 2003). Но данный экономический аспект, являясь значимым для крупных корпораций, мало влияет на

жизнедеятельность мелких и средних лесозаготовительных компаний, каких в Прилузье большинство. Выгод от продажи на рынке сертифицированной продукции никто из них не получил. Это могут проиллюстрировать следующие высказывания: «— *Вы стоите на Web page как сертифицированная цепочка. — Мне плевать. Мне за это не платят. Я его не вижу, не слышу, только плачу за это*»; «*Сертификация просто дает лишнюю работу*»; «*В экономическом плане он для нас большой роли не играет*» (директора небольших лесозаготовительных предприятий).

Степень социальной помощи местному населению также мало изменилась в связи с приобретением сертификата. Сами предприниматели отмечают, что основные сертификационные стандарты связаны соблюдением экологических нормативов, условий безопасности для рабочих, четким отслеживанием и разделением потоков древесины. Участие же предприятия в жизни местных поселков было всегда, и «*сертификация в этом смысле ничего нового не придумала*» (директор лесозаготовительной компании). При этом в глазах самих жителей имеющая сертификат компания совсем не обязательно будет хорошим соседом-помощником. К примеру, крупная компания «ООО Лузалес» одной из первых удачно прошла сертификационный аудит. Но, имея 13 комплексов, руководство компании имеет возможность набирать рабочих на вахты не столько из близлежащих поселков, сколько из Сыктывкара, других районов. Таким образом, в представлении жителей местных лесных поселков, она, несмотря на хорошо организованное производство и имеющиеся социальные программы (помощь школам, ветеранам), не социально ответственный работодатель: «*...куда они налоги платят, в наш район или в Сыктывкар... А нам от этого ничего. Естественный отбор они произвели, самых лучших забрали, там у них и заработки лучше, но ведь пенсионер туда не пойдет, туда его и не примут. А остальным-то куда? Они снимают сливки, вырубают леса. Потом, посмотрите, они все в Сыктывкаре. Хотя бы один дом отремонтировали, хоть одну крышу у кого-нибудь. Да ведь нет. Да и не будут, у них и в планах этого нет*» (рабочий лесозаготовительного предприятия, местный житель).

В то же время маленькие частные предприятия (ЧП), имеющие более тесную связь с местными поселками, в понимании жителей являются более социально ориентированными. Примером может служить «ЧП Кустышев». Несмотря на маленький размер предприятия, предприниматель смог организовать переработку своей продукции и стабильные поставки своей продукции за границу (в Прибалтику). В то же время по мере возможности поддерживает свой поселок. По словам одного из местных жителей: «*Вот молодец мужик, в самые поганые годы рабочих поддержал, и рабочие, которые у него были, они не спились, они все при делах оказались*» (рабочий лесозаготовительного предприятия, местный житель).

Важным условием работы лесного сертификата в Прилузском лесхозе стало привлечение населения к участию в лесных отношениях. Сертификация требует от компании быть хорошим соседом для местного сообщества, оставляя за самими предприятиями и местным сообществом решение, в чем

это должно выражаться. Российское общество, пережившее в XX в. тоталитарный период своей истории, еще не готово к самостоятельному проявлению подобных инициатив. Поэтому в данном вопросе роль организатора населения снова взяла на себя фонд «Серебряная тайга». Совместно с лесхозом фонд подготовил карту мест, где население наиболее часто собирает грибы и ягоды, и на этих участках установили особый режим лесопользования. Экспертами «Серебряной тайги» была разработана процедура общественных слушаний, проведение которых стало необходимым при взятии леса в аренду на всей территории республики. На этих слушаниях местные жители могут высказывать свои пожелания к работе компании, которые должны быть учтены и внесены в договор аренды. Население, мобилизованное «Серебряной тайгой», стало принимать участие в общественных слушаниях. В основном требования людей касались их непосредственных нужд: обеспечение дровами, предоставление рабочих мест, поддержание в порядке дорог, небольшая материальная помощь школам и домам культуры (разовая покупка какого-то инвентаря). Но были случаи, когда население вместе с «Серебряной тайгой» активно отстаивало соблюдение экологических вопросов. Подобная ситуация имела место на слушаниях «ООО Лузалес», который хотел взять в аренду территорию, включающую девственные леса, не охраняемые российским законодательством. В итоге лесозаготовки в этих кварталах были приостановлены до придания лесам официального статуса, а предприятие получило аналогичные участки с такой же расчетной лесосекой. Но в то же время с завершением активной деятельности «Серебряной тайги» по проекту участие местного сообщества тоже пошло на убыль. Другими словами, степень участия местных жителей в лесных отношениях пока зависит от интенсивности работы НПО в этом направлении. К самостоятельному активному взаимодействию с бизнесом местное сообщество пока не готово.

В заключение можно отметить следующее. Данное исследование отразило положение лесозаготовительных предприятий Прилузья в момент перехода их к рыночным отношениям. «Незаконченность» этого перехода позволяет увидеть на примере конкретной локальности сосуществование и взаимопереплетение старого советского и нового рыночного. Советские патерналистские производственные отношения разрушились, но представления о них продолжили свое существование в местных дискурсах. Наравне с объективными факторами (удаленность и изолированность поселков, их монопромышленная ориентация) они послужили основанием для усиления неформальных рычагов давления на бизнес со стороны местных органов власти в вопросах социальной поддержки. Предложенная лесной сертификацией схема социальной ответственности не отменила и не заменила сложившиеся неформальные способы взаимодействия между администрацией и компаниями. Две линии отношений — неформальная, основанная на личных договоренностях и бартерных сделках, и рыночно-ориентированная — сосуществуют в настоящее время. Столкновение двух разных контекстов повлекло за собой появление некоторых особенностей при проведении сертификации.

Лесная сертификация дала новое направление для развития КСО на лесозаготовительных предприятиях Прилузья, но при этом данная трансформация сопровождалась рядом отличительных черт (рис. 2).

Главным актором по получению сертификата на лесной менеджмент была выбрана не конкретная компания, а лесхоз, являющийся государственной структурой. Именно с ним в основном и работала «Серебряная тайга». Через эту государственную ячейку шло распространение сертификации на компании, арендующие лес. Поскольку основным партнером фонда являлась государственная структура, не занимающаяся коммерческой деятельностью и не зависящая от чувствительных рынков, то здесь нельзя говорить о рыночном негосударственном управлении в чистом виде. Внешнее финансирование проекта «Модельный лес Прилузье» осуществлял государственный орган Швейцарии (швейцарское агентство развития), поэтому данный случай сертификации представляет вариант двойного вовлечения государственных структур (швейцарских и российских), в то время как сам бизнес оказался втростепенной действующей фигурой.

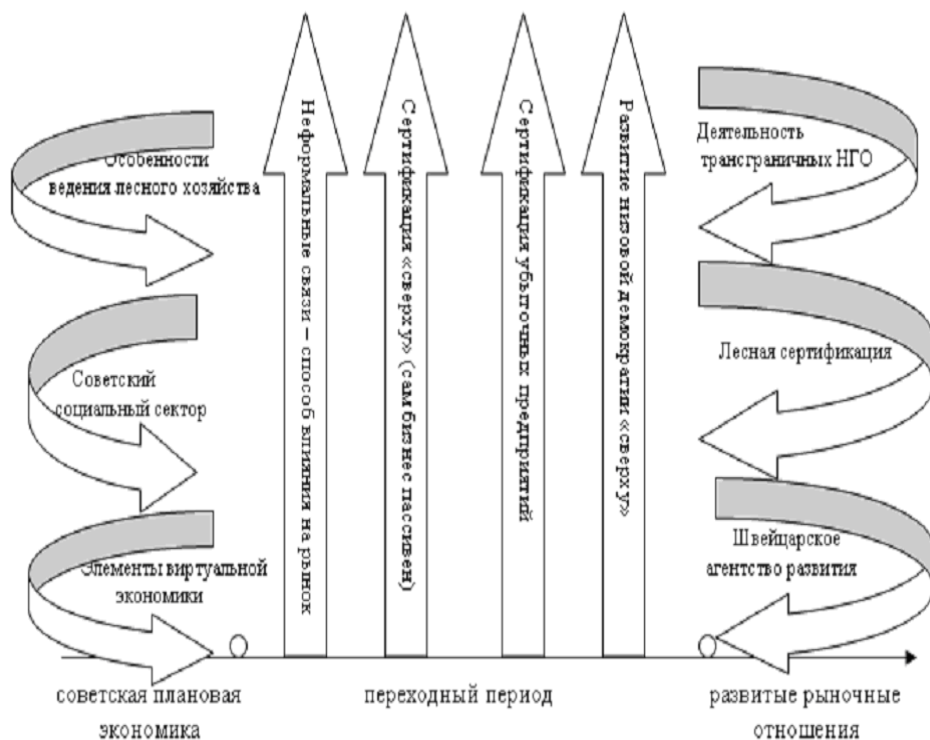

Рис. 2. Особенности трансформации социальной ответственности на лесозаготовительных предприятиях Прилузского лесхоза Республики Коми.

Проведенное исследование обнаружило на территории Прилузья наличие сертифицированных предприятий-банкротов, что принципиально противоречит концепции сертификации как рыночного рычага управления. Это объясняется двумя причинами. Происходящие в компаниях Прилузья изменения обязаны своим происхождением не только естественному ходу событий (развитию российского рынка, возобновлению старых и появлению новых связей с западными партнерами и т. д.), но и вмешательству в их жизнедеятельность глобальных акторов. Без финансовой поддержки швейцарского агентства развития (в рамках своих международных обязательств оно должно поставить часть денег в развивающиеся страны) и помощи WWF и некоммерческого фонда «Серебряная тайга» в организации сертификации лесного менеджмента практически ни одна из существующих в Прилузье компаний не смогла бы это сделать самостоятельно. Выживание сертифицированных предприятий-банкротов стало возможно также благодаря наличию неформальных договоренностей, существующих между бизнесом и местной администрацией и используемых как бизнес-стратегия для выживания в новых рыночных условиях.

Сертификация практически не принесла предпринимателям больших финансовых выгод при сбыте их продукции на рынке. Можно сказать, единственным экономическим эффектом стала гарантированная возможность сбыта заготавливаемой древесины. Кроме того, сертификация послужила стимулом для повышения экологических и социальных нормативов на предприятии. Сертификационные стандарты (о соблюдении техники безопасности, обеспечении рабочих спецодеждой, своевременной выплате зарплаты) стали основой для роста социальной ответственности компании перед своими рабочими. В то же время отсутствие четких правил в отношении поддержки местного сообщества создает лишь общую рамку для социально ориентированной деятельности компании в этом направлении. Степень наполняемости этой рамки зависит от самой компании.

Изучаемый нами случай продемонстрировал возможности стимулирования низовой демократии «сверху». Предложенные «Серебряной тайгой» общественные слушания стали механизмом постепенного вовлечения местных жителей в диалог с бизнесом. Но как показал опыт Прилузского лесхоза, сами жители не готовы к проявлению подобных инициатив и нуждаются в организаторе, каковым выступил фонд «Серебряная тайга». Существует опасность, что по окончании проекта и завершении деятельности фонда взрошенная «сверху» низовая демократия сникнет и диалог между бизнесом и местным сообществом будет носить формальный характер.

Несмотря на то что в изучаемый период сертификация еще была не востребована мелким и средним бизнесом, новая модель вписалась в данную локальность и впоследствии стала развиваться по рыночным рельсам. Сертификация лесхоза в целом сделала его более привлекательным для бизнеса. Некоторые, наиболее успешные компании, получившие выход на западные рынки, могут использовать полученный сертификат как дополнительное преимущество. Остальным же он необходим для продажи продукции на

«Монди бизнес пэйпа. Сыктывкарский ЛПК», также руководствующийся в своей деятельности международными стандартами. Убыточным предприятиям сертификат дает возможность повысить собственный имидж на рынке. Это позволяет предположить, что привнесенная практика будет работать и после окончательного ухода из региона «Серебряной тайги» и завершения западного финансирования.

Литература

Абрамов Р. Корпоративная социальная ответственность как пример организационного изоморфизма в условиях глобализации // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3.

Кашор Б., Аулд Г., Ньюсон Д. Легитимируя политический консьюмеризм: сертификация лесов в Северной Америке и Европе // Негосударственные механизмы управления в глобальном обществе / Под ред. М.С. Тысячнюк. СПб., 2006. (Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Специальный выпуск.)

Птичников А., Парк Дж. Усиление вовлеченности России в рыночно ориентированную корпоративную и социальную ответственность // Консультативная служба иностранных инвестиций, 2005.

Страхов В.В., Писаренко А.И., Борисов В.А. Глобализация лесного хозяйства. М., 2001.

Титаев К. Сфера промышленного лесопользования: участники и отношения // Неформальная экономика лесопользования: участники, практики, отношения / Под ред. И. Олимпиаевой, О. Паченкова, З. Соловьевой. М., 2005.

Тысячнюк М. Международные экологические общественные организации: акторы экологической модернизации в лесном секторе России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003.

Управление социальными программами компании / Под ред. Л.Н. Коноваловой, М.И. Корсакова, В.Н. Якимца. М., 2003.

Цветкова Б.Л. Социальная ответственность бизнеса. М., 2004.

Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство. М., 2004.

Cashore B. Legitimacy and the privatization of environmental governance: how non state market-driven governance systems gain rule making authority // Governance Journal. 2002. N 15.

Gaddy G., Ickes B. Russia's Virtual economy // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77. N 5. September.

Olsson M.-O. Barriers to Change?: Understanding the Institutional Hurdles in the Russian Forest Sector. Lulea University of Technology, 2004.